

не только возможной, но и необходимой. Сравнительный анализ показал, что белорусская модель правового регулирования эволюционировала от ведомственной раздробленности к централизованной системе управления качеством (Quality Management System) в масштабах всей страны. Российская Федерация, сохраняя традиционный институциональный подход, стоит перед необходимостью выбора: либо дальнейшее совершенствование ведомственных регламентов, либо кардинальная реформа по созданию надведомственного регулятора. Опыт Республики Беларусь наглядно доказывает эффективность кодификации норм, регулирующих и государственный, и частный сектор экспертизы, в рамках единого законодательного акта. Имплементация рассмотренных положительных практик в российское правовое поле позволила бы минимизировать экспертные ошибки и повысить уровень защиты прав и законных интересов участников судопроизводства.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Н.Е. Муллахметова

Актуальность, теоретическая и практическая значимость рассматриваемой проблемы определяется, прежде всего, тем, что отсутствие правовой регламентации механизма использования нейросетей в уголовном судопроизводстве, гарантий конфиденциальности, единых стандартов, системы контроля качества в этой сфере, правил оценки доказательств, полученных с помощью искусственного интеллекта, является сдерживающим фактором для максимального использования его возможностей и снижения нагрузки на сотрудников судебной и правоохранительной системы.

Основной гипотезой исследования является предположение о том, что искусственный интеллект может выступать в качестве эффективного вспомогательного инструмента при планировании расследования в целом и конкретных следственных действий, определении предмета доказывания, составлении процессуальных документов, систематизации, обработке информации, выявлении логических ошибок, внутренних противоречий в материалах дела, обосновании решений, выполнении других повседневных рутинных задач. С учетом изложенного требуется разумный подход к внедрению искусственного интеллекта (ИИ) в уголовное судопроизводство, обеспечивающий информационную безопасность, гарантии прав личности, законность, обоснованность и справедливость итоговых процессуальных решений.

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания, а также общенаучные и специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой. Использование общенаучных методов познания (анализа, синтеза, метода прогнозирования)

позволило обосновать выводы и предложения по исследуемому вопросу, оценить преимущества, перспективы применения технологий искусственного интеллекта в уголовном процессе, а также связанные с этим риски. При формулировании выводов и предложений автор опирался на опубликованные в юридических изданиях научные работы по теме, выступления представителей судейского сообщества, законодательство России и Республики Беларусь по вопросам цифровизации.

В последние годы вопросы цифровизации всех сфер государственного управления широко обсуждаются на страницах юридических изданий. Представить повседневную работу юриста без использования различных программных продуктов и современных компьютерных технологий уже невозможно. Разработана и обширная нормативная база по внедрению ИИ в государственное и муниципальное управление, в том числе в правоохранительную и судебную деятельность.

В России национальная стратегия развития ИИ до 2030 года была утверждена Указом Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в РФ» [1], где было дано определение ИИ как комплекса технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Аналогичное определение ИИ содержится в ФЗ от 24 апреля 2020 года № 123 [2].

В Республике Беларусь также приняты нормативные правовые акты, касающиеся разработки, внедрения и развития технологий ИИ. Например, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 135 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности» [3] роботостроение и ИИ признаются важнейшими направлениями инновационного развития страны до 2030 года. Существует также государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» [4], Декрет Президента Республики Беларусь № 12 «О Парке высоких технологий» [5]. В этих документах подчеркивается значимость внедрения современных цифровых технологий во все сферы государственного управления, что обеспечивает снижение административной нагрузки, экономию трудовых и временных ресурсов, упрощение документооборота.

Вместе с тем как в России, так и в Республике Беларусь в настоящий момент наблюдается неопределенность правового статуса и самого ИИ, и результатов, полученных с его помощью, хотя и предпринимаются попытки унифицировать законодательство в данной сфере. На заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 18 апреля 2025 года было принято решение об утверждении модельного закона «О технологиях ИИ», в котором приведены основные понятия и их определения (ИИ, анализ данных, защита данных, модель ИИ, нейронная сеть и др.). В данном

документе ИИ определяется как комплекс технологических решений, включающих информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе такое, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы обработки данных и поиска решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решения без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их [6].

Следует согласиться с теми авторами, которые отмечают, что геополитическая напряженность и курс на цифровой суверенитет не позволяют выработать глобальные правила для ИИ, смещая акцент на создание национальных и региональных моделей правового регулирования, в том числе в рамках СНГ [7, с. 104–105].

В последние годы появляются научные публикации, где глубоко исследуется понятийно-терминологический аппарат по изучаемой теме. Так, А.Э. Арзуманян рассматривает различные подходы к определению ИИ: антропоморфный (в основе которого лежит сходство деятельности ИИ с мыслительными процессами человека: рассуждение, обучение, выделение главного и др.), технологический (определение ИИ через алгоритмические парадигмы: эвристический поиск, машинное обучение, нейронные сети, т.е. акцент на методы разработки и функционирования), прагматический (связан с оценкой способности ИИ решать практические задачи). Автор приходит к выводу о наличии терминологической проблемы, о необходимости разграничения: 1) ИИ как области знаний и технологий; 2) системы ИИ как конкретного программного продукта; 3) функциональных ролей (ИИ-ассистент, автономный ИИ-агент). При этом под ИИ-ассистентом он предлагает понимать систему, которая выполняет исключительно вспомогательные функции (анализ больших объемов данных, выявление корреляционных связей, подготовка проектов документов, проверка на наличие противоречий и др.), а под автономным ИИ-агентом — систему, которой делегировано право на принятие отдельных процессуальных решений без участия человека. По мнению автора, закрепление в уголовно-процессуальном законе соответствующих дефиниций позволит определить правильные подходы в регулировании применения ИИ в деятельности правоохранительных органов и судов [8].

В рамках настоящей работы мы понимаем под ИИ нейросети, языковые модели, чат-боты, которые активно используются как в образовательном процессе, так и в практической деятельности, в том числе в уголовном судопроизводстве.

В юридической практике ИИ уже сейчас активно применяется не только для поиска правовой информации по конкретным запросам, ключевым словам, темам, но и для:

1) автоматизации анализа больших массивов правовых данных (структурирование, выделение главных положений, обобщение и др.);

2) оптимизации рутинных процессов при генерировании типовых форм юридических документов (договоров, заявлений, жалоб, запросов в органы власти и пр.), а также проверки текстов на предмет ошибок, несогласованных моментов;

3) прогнозирования результатов разрешения дел на основе выявления статистических закономерностей;

4) интеллектуального управления судебным делопроизводством (получение уведомлений о значимых сроках, поиск необходимых протоколов, судебных актов и пр.);

5) анализа записей при помощи «компьютерного зрения» (выявление на видеозаписях, фотоснимках различных объектов, их идентификация).

Вместе с тем внедрение ИИ сопряжено с определенными вполне обособленными опасениями. К их числу относятся проблема обеспечения прозрачности алгоритмов, т.е. решения, принимаемые ИИ, должны быть объяснимыми для пользователя; обеспечение безопасности при работе с ИИ и конфиденциальности; предвзятость и дискриминация (ИИ обучается на основе конкретных данных, и если в них содержится ошибка, то она переходит по «наследству» и приводит к существенному искажению итогового результата). Кроме того, поднимается и этический вопрос о роли человека в принятии важнейших процессуальных решений, об отсутствии у ИИ тех моральных качеств, которые есть только у людей (способность к сопереживанию, эмоциональная составляющая). Мало того, системы, использующие ИИ, автономны и могут обучаться на собственном опыте и выходить за рамки тех действий, которые планировались создателем.

Есть и другие риски, связанные с внедрением технологий ИИ в государственном управлении: неопределенность терминологии, что может привести к трудностям идентификации технологий автоматизации, контроля инвестиций на их разработку; ограниченность данных для обучения нейросетей, сложность распознавания новых феноменов; размывание сферы ответственности (например, в случае причинения вреда в результате применения управляемого ИИ ударного беспилотного летательного аппарата трудно определить виновное лицо, будет ли это оператор, программист или эксперт по данным) [9, с. 130].

М.С. Спиридонов определяет основные направления применения технологий ИИ в уголовном процессе: профилактика и выявление преступлений, прежде всего, совершаемых в интернет-пространстве, путем отслеживания финансовых транзакций, анализ эффективности контрольно-надзорных мероприятий; организация предварительного расследования (составление планов допроса, проектов процессуальных документов, выявление и исправление в них ошибок, обработка текстов и др.); ИИ в криминалистическом сопровождении расследования, в том числе в экспертной деятельности; оценка достаточности доказательств на досудебных и судебных стадиях процесса [10, с. 483–484].

В ведущих юридических практико-ориентированных журналах появляются интересные публикации о возможностях ИИ. Так, С.О. Махтук, обратившись к конкретной нейросети с вопросом о том, чем она может быть полезна для следователя или судьи, получил от нее ответ: анализ сложных текстов, процессуальных актов, в том числе на предмет противоречий и взаимосвязей, сопоставление версий, правовая проверка документов на соответствие законодательству, поиск судебных актов по заданной теме, выделение главных идей, поиск информации по реквизитам, обобщение, визуализация данных и многое другое. При этом он лично убедился в том, что нейросеть легко справляется с различными заданиями: переделать текст от третьего лица (когда требуется включить их в описательно-мотивировочную часть процессуального решения), сократить текст без потери смысла (если нужно привести содержание доказательства в обвинительном заключении), проверить текст на наличие ошибок и противоречий (таким образом можно обнаружить, например, несоответствия по времени, месту, когда усталость, т.н. человеческий фактор приводит к опечаткам), оценить доказательства и перспективы по делу, а также позиции сторон, составить план допроса с конкретными формулировками вопросов, проанализировать показания на предмет лжи (в том числе сопоставить с другими доказательствами) [11]. Конечно, полученные результаты не идеальны, но после проверки следователем вполне могут использоваться в практической деятельности.

Можно встретить также публикации, посвященные вопросам применения ИИ в уголовном процессе по отдельным видам производств. Так, В.В. Трухачев, У.Н. Амедов, А.И. Леонов провели комплексный анализ внедрения технологий ИИ в производство по делам о преступлениях несовершеннолетних. Они пришли к выводу о том, что у ИИ есть значительный потенциал для оптимизации расследования и судебного разбирательства по рассматриваемой категории дел (это и автоматизация рутинных процессов, и анализ цифровых следов и др.), но его бесконтрольное использование сопряжено с серьезными этико-правовыми рисками: алгоритмической предвзятостью (дискриминацией), стигматизацией (ситуацией, когда формируется негативное, предвзятое отношение к отдельному человеку с учетом конкретной характеристики или обстоятельства, т.е. вешается «ярлык»), нарушением принципа индивидуализации и превращением процесса в «черный ящик», когда решение нельзя оспорить. Применение ИИ в ювенальной юстиции, по мнению авторов, допустимо только при соблюдении принципа «человек в цикле», т.е. любое решение, которое затрагивает права несовершеннолетнего (избрание меры пресечения, назначение наказания или принятие альтернативного решения о применении принудительных мер воспитательного воздействия), должно приниматься исключительно правоприменителем, а рекомендации ИИ могут носить справочный характер и должны сопровождаться развернутой объяснительной запиской. Также необходимо обеспечить тщательную проверку и независимую экспертную оценку

алгоритмов, используемых ИИ. В противном случае ИИ превратится из помощника в инструмент дискриминации и подавления гуманистических основ правосудия [12]. Эти опасения касаются не только производства по делам несовершеннолетних.

Очевидно, что внедрение технологий ИИ в уголовный процесс связано и с определенными рисками: риск нарушения прав участников процесса в связи с применением шаблонов в расследовании, доказывании; нарушение принципа свободы оценки доказательств из-за использования математических алгоритмов с заранее установленными значениями качества доказательств.

В этой связи мы разделяем скепсис противников полноценного внедрения искусственного интеллекта в процесс уголовно-процессуального доказывания, ведь такие категории, как «внутреннее убеждение», «совесть», которые использует законодатель применительно к принятию решений судом, не поддаются программированию по заданным параметрам [13, с. 1210].

В 2025 году юридическое сообщество обсуждало жалобу адвоката, поданную на приговор Ейского городского суда Краснодарского края в связи с тем, что в тексте приговора были обнаружены признаки применения ИИ. Проведенная по инициативе адвоката-защитника осужденного лингвистическая экспертиза установила возможность генерации отдельных частей текста судебного акта нейросетью. Например, стилистика фразы «Все показания свидетелей, подсудимых, все интерпретации целой плеяды защитников доказательств по делу не отменяют объективной стороны данного состава преступления в данных обстоятельствах», по мнению адвоката, характерна для нейросети. В апелляционной жалобе было указано, что действующее российское законодательство не допускает участие ИИ при подготовке судебных решений, так как в данном случае исключается личное правовое размышление судьи. При этом адвокат отметил, что у защиты не было претензий к тому, что при изготовлении приговора использовался ИИ в целом, однако его смутило то, что ИИ применялся частично, в пяти фрагментах. «Это говорит о том, что либо судья, подписывая приговор, его не читал, либо искусственный интеллект используется только там, где необходимо обойти неудобные моменты и те вещи, которые они не могут описать» [14]. Но Краснодарский краевой суд оставил приговор в силе, отметив, что стилистика не влияет на законность и обоснованность решения.

В 2025 году Советом судей России была создана рабочая группа, которая призвана сформулировать концептуальные подходы к использованию ИИ в судебной деятельности. Хорошо зарекомендовали себя первые эксперименты в судах Белгородской и Амурской области по автоматизации приказного производства, создана программа-конструктор протоколов для таких дел. Рассматриваются и другие перспективные направления применения нейросетей в судах: анализ текста с целью выделения ключевых положений, краткое изложение сути позиций сторон на основе протокола судебного заседания [15].

Председатель Верховного Суда РФ Игорь Краснов в интервью «Российской газете» заявил, что поручил ускорить внедрение технологий ИИ в судебную деятельность. Но его нужно использовать для повышения эффективности анализа судебной практики, выявления противоречий в судебных актах, недостатков правовой регламентации. И. Краснов также отметил, что нейросети никогда не смогут заменить судью, потому что решения, касающиеся человеческих судеб, должны приниматься людьми. Технологии призваны лишь помогать оптимизировать рабочие процессы и повышать качество судопроизводства [16].

Конечно, остановить технический прогресс невозможно, нейросети, современные программные продукты открывают новые возможности для всех сфер государственного управления, в том числе для правоохранительной и судебной деятельности. Использование технологий ИИ в уголовном процессе способно оптимизировать работу правоприменителей, а также других участников, избавить следователей, дознавателей, судей, работников аппаратов судов от технической работы, повысить ее результативность, сократить сроки судопроизводства. Это относится к числу актуальных задач, особенно в условиях кадрового голода в правоохранительных органах. Однако в данном вопросе требуется обеспечить разумный баланс между желанием обеспечить экономию временных и человеческих ресурсов и соблюдением важнейших принципов уголовного процесса: свободы оценки доказательств, охраны прав и свобод личности и др. Чтобы ИИ стал надежным помощником следователя, дознавателя, прокурора и судьи, необходимо решить следующие задачи: 1) разработать и закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве дефиниции для используемых в судопроизводстве технологий ИИ с учетом их функциональной роли; 2) создать государственную систему сертификации систем ИИ для использования в сфере государственного управления, в том числе в уголовном судопроизводстве; 3) закрепить в УПК правила использования и оценки результатов использования ИИ, включающие тезис о том, что эти результаты не имеют заранее установленной силы и подлежат обязательной проверке в соответствии со ст. 87 УПК РФ, а также то, что использование ИИ не заменяет правоприменителя и не освобождает его от ответственности за принимаемые процессуальные решения; 4) ввести запрет на полную автоматизацию при принятии процессуальных решений, затрагивающих права и свободы граждан.

Список использованных источников:

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490: в ред. от 15.02.2024 (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // Консультант Плюс. Россия: справ. правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 12.03.2026).

2. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий

искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ: в ред. Закона от 08.08.2024) // Консультант Плюс. Россия: справ. правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 12.03.2026).

3. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026–2030 годы: Указ Президента Республики Беларусь, 1 апреля 2025 г. № 135 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 12.03.2026).

4. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 2 февраля 2021 г. № 66: в ред. постановления Совета Министров Республики Беларусь от 23 декабря 2025 г. № 75 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 13.03.2026).

5. О Парке высоких технологий: Декрет Президента Республики Беларусь, 22 сентября 2005 г. № 12: в ред. Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2024 г. № 47-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 13.03.2026).

6. Модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта» (Принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 18.04.2025 г. № 58-8). — URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1292 (дата обращения: 12.03.2026).

7. Ильина, Е.М. Государственная политика Республики Беларусь в сфере искусственного интеллекта / И.М. Ильина // Актуальные проблемы взаимодействия политики и права: вызовы и тенденции: материалы круглого стола кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета. — Мн., 2024. — С. 102–107.

8. Арзуманян, А.Э. Искусственный интеллект в уголовном процессе: необходимость формирования доктринальных дефиниций / А.Э. Арзуманян // Право и политика. — 2026. — № 1. — С. 16–30.

9. Храмова, Ф.И. Технологии искусственного интеллекта в сфере государственного управления Республики Беларусь / Ф.И. Храмова, М.С. Шибут // International Journal of Humanities and Natural Sciences. — 2025. — Vol. 1–4, № 100. — С. 127–137.

10. Спиридонов, М.С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании / М.С. Спиридонов // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — № 1(2). — С. 481–496.

11. Махтюк, С.О. Искусственный интеллект в уголовном процессе: от разговоров к делу. Эффективные способы упростить работу следователя и суда / С.О. Махтюк // Уголовный процесс. — 2025. — № 9. — URL: <https://e.ugpr.ru/1150278> (дата обращения: 12.03.2026).

12. Трухачев, В.В. Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве по делам несовершеннолетних: этико-правовые риски и перспективы реализации / В.В. Трухачев, У.Н. Амедов, А.И. Леонов // Вестник Воронежского института МВД России. — 2025. — № 4. — С. 228–235.

13. Махтюк, С.О. Искусственный интеллект в уголовно-процессуальном доказывании: никогда такого не было, и вот опять / С.О. Махтюк // Искусственный и естественный интеллект: алгоритмы, мышление и образовательные технологии: материалы XXI Международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых. — М., 2025. — С. 1204–1211.

14. Адвокат выявил признаки использования ИИ при составлении обвинительного приговора // Адвокатская газета. — 2025. — 21 окт. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-vyyavil-priznaki-ispolzovaniya-ii-pri-sostavlenii-obvinitelnogo-prigovora/> (дата обращения: 12.03.2026).

15. Совет судей изучит возможность применения ИИ в судебной системе // Российская газета. — 2025. — 16 апр. — URL: https://rg.ru/2025/04/16/prikaz-ot-robot.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 12.03.2026).

16. Игорь Краснов дал поручение ускорить внедрение искусственного интеллекта в судебную деятельность // Российская газета. — 2025. — 5 нояб. — URL: https://rg.ru/2025/11/05/igor-krasnov-dal-poruchenie-uskorit-vnedrenie-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnuu-deiatelnost.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 12.03.2026).

СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ПОДХОДЫ К КВАЛИФИКАЦИИ. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СУБЪЕКТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

М.С. Савченко

Дискуссионность правовой природы субъектов международного права определяет необходимость уточнения их классификации на основе анализа и учета их важнейших характеристик. Методы научного познания субъектов международного права включают как общие подходы, применяемые в юридической науке, так и специфические, учитывающие особенности международных отношений и права: философские, общенаучные, частнонаучные и специальные.

Субъекты международного права классифицируются по различным основаниям, которые связаны с природой их правосубъектности, ее объемом, а также способом приобретения статуса. Классификация может быть основана на разных критериях, например на участии государств в создании международных организаций, признании в статусе субъекта и др. Значительное влияние на классификацию субъектов международного права оказывает глобализация, вызывая, например, ослабление роли национальных государств (основных акторов международной системы в узком смысле) и усиление роли субъектов с сильной транснациональной ориентацией, природа международной правосубъектности которых дискуссионна.

Взаимодействуя на международной арене, государства используют международное право как важнейший инструмент международного общения. Именно сотрудничество государств лежит в основе возникновения и последующего развития, совершенствования современного международного права, а государства являются основными его субъектами. Согласно общей теории права, правосубъектность и правоотношения — тесно связанные понятия. Субъекту правоотношений необходимо обладать совокупностью субъективных прав и юридических обязанностей, иметь возможность участвовать в правоотношениях и реально участвовать в них. Субъекты международного права — это стороны, лица, наделенные юридическими правами и обязанностями в общественных отношениях,